

Восстановлению субъекта способствует предшествующее предложение: *Robert Hazeldean, 38, a garden designer, was returning from work in central London when he collided with Gemma Brushett near London Bridge*. Так мы понимаем, что Gemma Brushett knocked out Mr Hazeldean.

Статистические данные показывают, что восстановление имплицированных семантических субъектов в большинстве случаев осуществляется за счет обращения к внутритекстовой информации. Источником восстановления чаще всего являлся контекст-предложение (48 %), далее контекст-текст (11 %) и контекст-абзац (2 %). При невозможности восстановления семантического субъекта за счет текстовой информации можно обращаться к внетекстовым источникам информации, например, к фоновым знаниям читателя, под которыми понимаются культурно-исторические сведения, прецедентные тексты и т.п. Совокупно в газетных текстах источником восстановления имплицированных субъектов внутритекстовая информация становится в 61 % употреблений, а внетекстовая – в 39 %. Такое положение дел может быть связано со спецификой газетных текстов, которые, с одной стороны, должны быть самодостаточными, а с другой, вписываться в общее информационное пространство СМИ.

Е. В. Зуевская

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ПОСЕССИВНОСТИ

Посессивность как языковая и философская категория неоднократно становилась объектом исследовательского интереса лингвистов – представителей разных языков. Целый ряд теоретических работ был направлен на теоретическое обоснование категории посессивности в языке, выделение и систематизацию языковых средств, реализующих посессивную семантику в процессе коммуникации. В связи с этим можно найти и различные определения статуса категории посессивности.

Сегодня для обозначения указанной категории существует целый ряд терминов: *посессивность, притяжательность, принадлежность, обладание*. Одним из аргументов, приводимых противниками термина *посессивность*, является его явная связь с латинским глаголом *possidere* ‘владеть’, что подразумевает ограниченность категории материальным обладанием. Это наталкивает на мысль, что обладание имеет отношение только к посессору-человеку. Однако сегодня обладание мыслится гораздо шире: человек может обладать не только имуществом, но и иметь, например, интеллектуальную собственность, определенные права, а иные материальные объекты могут обладать определенными качествами, характеристиками, особенностями, но не иметь отношение к человеку. В связи с этим следует рассматривать посессивность как широкое понятие, не ограничивающееся лишь материальным владением.

При этом некоторые лингвисты используют упомянутые термины в качестве синонимов, иные же предлагают их разграничивать, усматривая в семантике посессивности два основных значения ('принадлежность' и 'обладание') и приводя в качестве критерия их различия обозначение владельца и предмета: в случае, если грамматически управляющим членом конструкции является имя предмета обладания (дом отца), то имеет место значение *принадлежности*; если же грамматически управляющим членом конструкции выступает имя владельца, наличествует значение *обладания*. Данное разделение значений в рамках посессивности представляется обоснованным и подходящим для исследования функционирования средств выражения посессивности в языке.

На основании анализа проведенных теоретических исследований и имеющихся в современном языкознании работ возможно выделить 3 типа обладателя, или посессора, – одушевленный, предметный, абстрактный; ограничить виды связи по критерию оппозиции «отчуждаемая – неотчуждаемая принадлежность» в границах посессивности как категории.

В немецком языкознании при изучении посессивности лингвисты традиционно помещали в центр внимания притяжательное местоимение, создающее посессивную по семантике синтаксическую конструкцию, и приименной родительный падеж, а также глагол *haben* 'обладать'. На основании многочисленных исследований можно причислить к посессивным не только глаголы статического обладания *haben, besitzen, gehören*, но и глаголы динамического обладания *bekommen, nehmen, geben, finden, verlieren, behalten*; а также глаголы, уточняющие способ приобретения или утраты собственности типа *erwerben, ausgeben, kaufen, stehlen* и т.п. Наряду с конструкциями с генитивом, традиционно использующимися в немецком языке для выражения принадлежности, в разговорной речи регулярно используется так называемый посессивный датив (например, *meiner Mutter ihr Sohn*).

Следовательно, для анализа реализации посессивного отношения в речи существенным оказывается его синтаксическое оформление, поскольку в семантико-синтаксической структуре предложения посессивные отношения находят разное отражение. В частности, посессивность может находиться в утвердительной части высказывания, а сообщение о ней являться целью высказывания. Особую интерпретацию в таких случаях получают посессивные высказывания о неотторжимом объекте, в связи с тем, что контекстом определяется их коммуникативная значимость: *У него есть глаза* = 'он сам во всем разберется', как и сообщения об отсутствии объектов неотторжимой принадлежности: *Unsere Generation hatte... keine Väter*. Кроме того, в рамках презумптивной части посессивность образует так называемую атрибутивную посессивность. Связь, реализуемая конструкциями такого рода, может быть разной и определяться контекстом, ср.: *его рука* и *его дом* (= 'дом, в котором он живет' либо 'дом, который ему принадлежит'). А. Е. Кибрик рассматривает представление посессивности и через третий, сугубо прилагольный, синтаксический формат, в рамках которого имеет место явление расщепле-

ния валентностей, в связи с чем вводится понятие «внешний посессор». Например, *Он поцеловал ее руку* – *Он поцеловал ей руку*. Таким образом, синтаксическая форма высказывания находится в непосредственной связи с содержательным воплощением смысловых отношений.

Можно констатировать, что на данный момент в языкознании сделано многое в исследовании проблем посессивности, однако вопросы, относящиеся к проблеме посессивности, нельзя считать исчерпанными, в частности, по следующим мотивам: в прояснении нуждаются конструкции с притяжательными местоимениями, относительно которых утверждается, что они ограничиваются лишь передачей посессивного значения; особого рассмотрения требует сфера употребления приименного генитива, выходящая за пределы собственно посессивных отношений. Кроме того, посессивные значения могут выражаться и имплицитно, в частности, с помощью сложных существительных, отсубстантивных прилагательных, дательного падежа, предложных конструкций, ряда лексических средств. Особую значимость приобретает данный спектр вопросов также и в типологическом аспекте, поскольку одно и то же содержание приобретает разное воплощение в различных языках, в частности, немецком, русском и белорусском.

Е. В. Зуевская, Е. Богданович

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ МОЛОДЕЖНЫХ ФИЛЬМАХ

Предположение относится к числу самых сложных языковых феноменов, являясь при этом одним из самых распространенных модальных отношений, так как оно представляет собой одно из наиболее часто испытываемых в повседневной жизни состояний. Если человек недостаточно осведомлен о том или ином факте, чтобы категорически утверждать либо отрицать его, или же не хочет ничего категорически утверждать, он сообщает о нем как о чем-то более или менее вероятном, используя для этой цели определенные языковые средства.

В современном немецком языке имеется целая система средств различных языковых уровней, четко ориентированных на разные степени уверенности. Однако наряду с ними немецкий язык располагает также средствами общего предположения. Средства лексического уровня представлены модальными словами и модальными частицами. К средствам морфологического уровня относятся конъюнктив и временные формы футур I и II. На синтаксическом уровне для выражения предположения используются модальные глаголы + инфинитив I, II, эпистемические (субъективно-модальные) предикаты, а также глаголы *scheinen* и *glauben*, которые являются маркерами общего предположения.